

Транзит патриаршей власти в Грузии: наследие Илии II и геополитическое давление

Комментарий Центра АРВАК, 23.05.2026

Аннотация

АРВАК анализирует институциональные, внутривластные и геополитические аспекты транзита власти в Грузинской Православной Церкви (ГПЦ) после интронизации католикоса-патриарха Шио III (Муджири). Рассматриваются история формирования внутрицерковных фракций, эволюция роли ГПЦ как латентного регулятора внутривластных процессов в стране, а также попытки западных центров силы установить контроль над Священным синодом. Исследуется комплекс вызовов национальной безопасности, унаследованных новым патриархом, включая трансграничные конфессиональные споры, автокефальный кризис и этнополитическое давление в приграничных регионах. Проводится компаративный анализ положения ГПЦ и Армянской Апостольской Церкви (ААЦ) перед лицом экспансии евроатлантического либерализма.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Грузия, ГПЦ, Шио III, Илия II, Священный синод, РПЦ, ААЦ, транзит власти, геополитическое моделирование, традиционализм.

1. Итоги синодального голосования и предыстория транзита

12.05.2026 в Светицховели – древнем кафедральном соборе Мцхеты – прошла торжественная интронизация Шио III, ставшего новым верховным иерархом Грузии. Официальному вступлению на престол предшествовала процедура синодального голосования, организованная накануне в тбилисском храме Св. Троицы. По результатам волеизъявления 38 членов Священного синода убедительную победу одержал патриарший местоблюститель – митрополит Сенакский и Чхороцкуйский Шио (Муджири), заручившийся поддержкой 22 иерархов. Его оппоненты – митрополит Урбнисский и Руисский Иов и митрополит Потийский и Хобский Григол – набрали 9 и 7 голосов соответственно, что зафиксировало итоговое распределение сил в высшем руководстве ГПЦ.

Знаменательным фактом стало то, что спустя два столетия на престол взошел уроженец Тбилиси, чья карьера отмечена уникальным прецедентом: назначением на роль местоблюстителя еще в 2017 году, при жизни его легендарного предшественника, что фактически предопределило грядущий транзит высшей духовной власти.

Избрание митрополита Шио на пост местоблюстителя, инициированное Илией II, стало фактическим закреплением преемственности, предопределившим контуры будущего транзита патриаршей власти. В условиях, когда состояние здоровья иерарха ограничивало его возможности в повседневном администрировании, управленческий функционал был делегирован Шио Муджири, тогда как за Илией II закрепились представительские прерогативы и право вето по ключевым вопросам церковного бытия и пастырского служения.

Форсированное выдвижение митрополита Шио на роль преемника, инициированное Илией II, спровоцировало напряженность внутри епископата и среди простых церковнослужителей. Этот прецедент актуализировал не только личные амбиции ведущих иерархов в борьбе за престол, но и вскрыл глубокие противоречия между внутрицерковными группами влияния по вопросам экуменического диалога и стратегического позиционирования ГПЦ в условиях турбулентной геополитической конъюнктуры.

2. Наследие Илии II: ГПЦ как доминирующий национальный институт

Масштаб личности и тонкая дипломатия Илии II, возглавлявшего ГПЦ с 1977 г., стали тем фундаментом, который позволил церковному институту в Грузии успешно преодолеть как атеистический прессинг советского периода, так и последовавшую за ним геополитическую катастрофу распада Советского Союза. В условиях перманентной внутривластной турбулентности, отягощенной территориальными конфликтами, государственными переворотами и жестким клинчем антагонистических векторов развития страны, патриарх сумел не просто сохранить структуру, но и вывести ее в ранг ключевого национального регулятора. На фоне системного кризиса иных институций, ГПЦ под его началом трансформировалась в наиболее монолитную и авторитетную силу, обладающую исключительными возможностями воздействия на ценностные ориентиры и консолидацию грузинского социума.

Эпоха Илии II ознаменовалась беспрецедентным институциональным ростом: число епархий ГПЦ увеличилось с 15 до 47, сеть действующих храмов – с 34 до 1500, а пастырский корпус вырос с 80 до более чем 3000 священнослужителей. Исключительная роль католикоса-патриарха стала решающим фактором сохранения государственного единства, позволив Грузии избежать тотального коллапса в периоды радикального национализма Звиада Гамсахурдия, системной коррупции времен Эдуарда Шеварднадзе и авторитарного псевдолиберализма Михеила Саакашвили, кульминацией которого стала военная интервенция 2008 года.

Фигура Илии II сыграла определяющую роль в поддержании стратегического ментально-цивилизационного равновесия страны. Его церковная дипломатия позволила эффективно купировать радикальный прозападный вектор политических элит за счет выстраивания конструктивного взаимодействия с РПЦ и осознанного дистанцирования от экуменического процесса с Ватиканом. Тем самым патриарх сформировал в грузинском социуме мощный оплот традиционализма, основанный на христианских ценностях, которые стали щитом против экспансии западного ультралиберализма.

Способность католикоса поддерживать диалог с любым политическим режимом, сохраняя при этом осознанную дистанцию от сомнительных шагов власти, наделила его исключительным правом распространять свой авторитет на глубоко поляризованные элиты и общество. В моменты острейших внутривластных кризисов это позволяло патриарху выступать в качестве арбитра, чей беспристрастный статус признавался всеми антагонистическими силами страны.

Уникальной чертой институционального развития ГПЦ в эпоху Илии II стала ее способность выступать регулятором общественно-политического ландшафта, сохраняя при этом безупречный аполитичный статус. Данная парадоксальная субъектность, позволяющая церкви эффективно проецировать влияние на ключевые процессы без прямого вхождения в правовое поле политики, превратила ее в теневой центр силы. Подобная конфигурация после прихода к власти «Грузинской мечты» в 2012 г. была расценена западными центрами влияния как критический барьер, что инициировало разработку стратегий по инфильтрации и установлению внутреннего контроля над структурами Священного синода.

3. Инфильтрация в синодальные структуры

В евроатлантических центрах силы возобладало мнение, согласно которому без инфильтрации в высшую церковную элиту страны и формирования там монолитной либеральной фракции, способной выдвинуть лояльного преемника, стратегическая задача по «европеизации» Грузии остается невыполнимой. Подобный императив продиктован необходимостью демонтажа традиционалистского фундамента ГПЦ, который рассматривается Западом как ключевое препятствие для трансформации ценностной матрицы грузинского общества. Данная установка подкрепляется опасениями относительно роли РПЦ, чей системный диалог с грузинским епископатом воспринимается как механизм влияния Кремля на моделирование внутривластного ландшафта республики при формальном сохранении аполитичного статуса духовных институций.

Электоральное фиаско грузинской оппозиции в 2016 г. стало катализатором коррекции стратегии западных центров силы, сделавших ставку на форсированную консолидацию лояльного либерального крыла внутри Священного синода. В условиях прогрессирующего ухудшения здоровья Илии II, предвещавшего неизбежный транзит власти, установление контроля над высшей иерархией ГПЦ приобрело статус безальтернативного условия для реанимации прозападного вектора республики. Однако упреждающий маневр католикоса-патриарха, который в ноябре 2017 г. наделил статусом местоблюстителя своего духовного воспитанника митрополита Шио, фактически купировал внешние попытки моделирования престолонаследия. Данный шаг закрепил доминирование консервативной линии, став непреодолимым барьером для реализации ультралиберальной повестки и вызвав острую реакцию в евроатлантических структурах.

Выдвижение митрополита Шио на роль преемника спровоцировало скрытое недовольство внутри епископата, где часть иерархов сочла подобное усиление его позиций в канун завершения полувековой эпохи Илии II необоснованным. Оппозиционно настроенные священнослужители и представители теологических кругов актуализировали дискурс о возможной утрате дееспособности католикоса к моменту подписания указа, ставя под сомнение суверенность его волеизъявления. Критики апеллировали к тому, что не имеющая аналогов в современной истории ГПЦ практика назначения местоблюстителя при жизни правящего иерарха де-факто внедрила режим двоевластия, вступающий в противоречие с церковной каноникой. Согласно данной позиции, игнорирование процедуры предварительного обсуждения вопроса в Священном синоде лишило легитимности этот стратегический шаг, превратив его в фактор институционального раздора.

Наиболее резонансным аргументом, оспаривающим легитимность данного акта, стал довод о том, что решение Илии II было обусловлено воздействием со стороны РПЦ. В экспертном и медийном дискурсе акцентировалось внимание на визите в грузинскую столицу митрополита Илариона (Алфеева), курировавшего внешнецерковные связи Московского патриархата, незадолго до обнародования указа. Предполагается, что именно итоги закрытых консультаций с российским иерархом послужили триггером для форсированного наделения митрополита Шио Муджири полномочиями местоблюстителя, что фактически закрепило его статус безальтернативного преемника в обход традиционных синодальных процедур.

4. Информационные кампании и покушение на местоблюстителя

Именно визит митрополита Илариона стал триггером для развертывания масштабной медийной атаки со стороны оппозиционных ресурсов, стремившихся дискредитировать местоблюстителя через обвинения в кулуарном взаимодействии с Кремлем и правящей коалицией. В вину иерарху вменялась его многолетняя деятельность в московском приходе, что, по версии критиков, обусловило глубокую аффилированность с РПЦ и предопределило отказ ГПЦ от признания украинской автокефалии. Данная позиция Синода интерпретировалась противниками Шиио как саботаж томаса Константинополя в угоду российским интересам. Параллельно с этим консервативный дискурс местоблюстителя, направленный на защиту традиционной этики от экспансии ультралиберальных идеологов и ЛГБТ-повестки, был представлен оппозиционной пропагандой как враждебный акт по отношению к демократическим ценностям и универсальным принципам гуманизма.

Несмотря на последовательные попытки Шиио Муджири позиционировать собственную деятельность как сугубо аполитичное служение, обусловленное исключительно пастырским долгом и интересами нации, либеральная оппозиция активно использовала фактор его публичной коммуникации с государственным аппаратом для разрушения данного образа. В вину иерарху вменялось систематическое участие в протокольных мероприятиях в окружении высшего руководства страны, что в рамках оппозиционной парадигмы интерпретировалось как фактический отказ от статуса нейтрального арбитра. Особый акцент в информационной кампании делался на многолетних личных связях митрополита с бывшим главой республики Георгием Маргвелашвили (2013–2018 гг.), чьи доверительные отношения с будущим патриархом, оформившиеся в формат духовного наставничества, преподносились как доказательство глубокого проникновения политических интересов «Грузинской мечты» в церковную среду.

Невзирая на старания митрополита-местоблюстителя представить борьбу церкви против ЛГБТ-сообщества, однополых браков, аборт и ультралиберальных ценностей как аполитичное движение, призванное лишь сохранить духовные устои нации, пропаганда прозападной оппозиции вписала эту деятельность в широкий контекст репрессивного противостояния власти принципам демократии и гуманистическим ценностям. Шиио и его сторонники среди иерархов были фактически провозглашены пособниками «*репрессивного режима Иванишвили*» и Кремля, проецирующего свое влияние на внутривластные процессы в Грузии посредством тесных связей Московского патриархата с ГПЦ.

В данном контексте инциденты июля 2023 г. спровоцировали масштабный политический резонанс, экстраполировав внутривластную напряженность на все грузинское общество. Медийное пространство наполнилось сообщениями о предполагаемой попытке физического устранения патриаршего местоблюстителя через отравление: согласно экспертным данным, в биоматериалах митрополита Шиио была зафиксирована критическая концентрация тяжелых металлов – ртути и мышьяка. Особый импульс расследованию правоохранительных органов придала загадочная смерть сотрудницы патриархии Русудан Маисурадзе, отвечавшей за уборку кабинетов иерарха. Инициированное уголовное производство, не давшее однозначных ответов, лишь углубило поляризацию общественных и политических оценок происходящего. Доминирующая гипотеза связывала покушение с

деятельностью оппозиционных клерикальных групп, аффилированных с прозападными центрами силы. Одновременно с этим актуализировался альтернативный дискурс, трактующий инцидент как инсценировку и инструмент контрпропаганды, направленный на сакрализацию образа Шио Муджири и дискредитацию либерального крыла Священного синода, возглавляемого митрополитом Потийским и Хобским Григолом (Бербичашвили).

5. Комплекс трансграничных и системных вызовов для Шио III

Путь митрополита Шио к интронизации и его предыстория свидетельствуют о том, что его патриаршество может быть сопряжено с новыми серьезными вызовами. Он принял сан католикоса-патриарха в сложный для Грузинской церкви и всей республики период, когда страна сталкивается с усилением внешнеполитического и цивилизационно-ценностного влияния Запада в условиях продолжающегося процесса нарушения единства православного мира. ГПЦ становится все сложнее находить баланс между сохранением традиционных ценностей и новыми ценностными ориентирами, а также координировать свою позицию с интересами крупных православных поместных церквей, находящихся в противоречии друг с другом, в частности Константинопольского и Московского патриархатов.

Также католикосу Шио III предстоит преодолеть проблему углубляющегося раскола в грузинском обществе, прямо отражающего вмешательство конкурирующих глобальных центров силы во внутригрузинские дела, что обусловлено ключевым расположением республики на геополитической карте региона. В условиях нарастающей динамики конфликта интересов внешних сил, провоцирующего раскол грузинского общества, ГПЦ становится все труднее довести до недовольных масс, что в настоящий момент ее фактическая поддержка курса действующей власти вызвана не поиском политического конформизма, а совпадением ориентиров сторон в вопросе сохранения духовного традиционализма и ценностных устоев нации.

Кроме указанных глобальных задач, новый патриарх унаследовал ожидающие своего решения проблемы во взаимоотношениях с Абхазской епархией, не признающей главенство ГПЦ, и с Армянской Апостольской Церковью (ААЦ), с которой у нее существуют споры относительно исторической принадлежности и статуса множества церквей и храмовых комплексов как в самой Грузии, так и в Армении. Одновременно набирает силу религиозная экспансия Турции в Аджарии и республике в целом, что напрямую перекликается с проблемой национальной безопасности Грузии. Остаются открытыми вопросы статуса обширного храмового комплекса Давид Гареджи в грузино-азербайджанском приграничье, а также будущего грузинских православных церквей в азербайджанских Закатале и Балакене (историческая грузинская область Саингило), где Баку препятствует попыткам Тбилиси установить контроль за сохранением грузинского культурно-исторического наследия.

6. Проблема преемственности и авторитета

Патриарху Шио предстоит решать эти вопросы самостоятельно, без опоры на фигуру Илии II, который, даже будучи недееспособным, одним лишь фактом своего номинального главенства над ГПЦ предоставлял патриаршему местоблюстителю пространство для маневра и возможность реализации своей церковной политики от имени католикоса. Илия II был наставником Шио Муджири и его духовным отцом,

посвятившим его, как считают грузинские теологи, во все тонкости своей церковной дипломатии, позволившей ГПЦ выдержать потрясения слома эпох и выйти из испытаний более сильной. Однако вопрос в том, позволят ли личные качества нового католикоса-патриарха уже практически в одиночку удержать заданный Илией уровень иммунитета церкви, ее авторитета и способности балансировать в условиях постоянных вызовов.

Фигура католикоса Илии II была столь же определяющей для становления Шио Муджири и его продвижения в качестве патриаршего преемника, сколь и фактором произвольного давления на него с момента интронизации. Авторитет Илии останется единственным ориентиром и отправной точкой оценки деятельности и образа нового католикоса-патриарха, что уже заведомо ставит Шио в уязвимую стартовую позицию. Грузинская общественность и политические круги все чаще задаются вопросом: сможет ли новый патриарх заручиться тем же доверием и беспрекословной любовью православных граждан, как в свое время его предшественник Илия II, или же он останется в тени личности, ставшей одной из наиболее знаковых во всей истории ГПЦ?

Турбулентная ситуация в Грузии и вокруг нее представляет обширное поле деятельности для Шио Муджири, а значит — и возможность доказать свою способность сохранить наследие предшественника и духовного наставника. Но эти же вызовы могут превратиться в непосильный для нового избранного католикоса груз, что ознаменует собой упадок ГПЦ после названной «золотой» полувековой эпохи патриаршества Илии II.

Резюме: сравнительный анализ с армянским вектором

Драматичный транзит высшей духовной власти в Грузии наглядно продемонстрировал, что вопрос патриаршего престолонаследия окончательно обусловлен факторами, выходящими за пределы внутрицерковного дискурса, и тесно интегрирован в канву геополитических процессов регионального масштаба. В сложившейся ситуации ГПЦ сталкивается с системными сложностями при попытках поддержания собственного аполитичного статуса, поскольку миссия по сохранению традиционной ценностной матрицы и духовного суверенитета нации вступает в объективное противоречие со стратегическими императивами глобальных центров влияния. Следовательно, те, в свою очередь, будут продолжать политизировать роль и функции ГПЦ, стремясь не только устранить ее как препятствие, но и превратить в инструмент собственного влияния на политические процессы.

В данной парадигме институциональные процессы вокруг ГПЦ обнаруживают глубокую типологическую близость с ситуацией в Армении, где ААЦ также вынуждена противостоять массивному давлению евроатлантического либерализма. Единственное, но концептуальное различие заключается в субъектности: в армянском кейсе ключевым проводником антицерковного дискурса выступает действующий государственный аппарат, а не оппозиционные круги. Фундаментальная же аналогия прослеживается в эволюции внешней стратегии: если в период демонтажа советской системы коллективный Запад инструментально

поддерживал религиозный ренессанс в целях форсирования дезинтеграции СССР, то современный этап характеризуется попытками радикальной трансформации самой идентичности южнокавказских государств. Нынешний прессинг на духовные институты нацелен на демонтаж христианского вероучения как традиционного фундамента национальной государственности, рассматриваемого внешними центрами силы как барьер для ценностного реформирования региона.